

АКРОМЕГАЛИЯ И БЕРЕМЕННОСТЬ (обзор литературы и собственные наблюдения)

Микитюк М. Р.

*ГУ «Институт проблем эндокринной патологии им. В. Я. Данилевского НАМН Украины», г. Харьков
Харьковская медицинская академия последипломного образования
myroslavamk@mail.ru*

В период физиологически протекающей беременности гипофиз женщины претерпевает ряд морфологических и функциональных изменений [1]. Морфологические изменения аденогипофиза обусловлены массивной гиперплазией лактотрофов и их трансформацией в «клетки беременности» в результате стимулирующего влияния половых стероидов плаценты [2]. Объем аденогипофиза к концу беременности может увеличиваться в 2–3 раза и его вес может достигать 100 мг [3]. Функциональная перестройка аденогипофиза во время беременности проявляется в резком угнетении секреции фолликулостимулирующего (ФСГ) и лютеинизирующего (ЛГ) гормонов и прогрессирующем повышении секреции пролактина (ПРЛ) [4]. В течение беременности уровень ПРЛ увеличивается параллельно повышению уровня эстрогенов в десятки раз [5].

Все изменения, происходящие в организме во время беременности, являются адаптивными и позволяют обеспечить нормальное развитие плода. В случае несостоятельности резервов материнского организма во время беременности могут манифестировать или прогрессировать ранее диагностированные заболевания, например гормонально-активные аденомы гипофиза, гестационный сахарный диабет (ГСД), артериальная гипертензия (АГ) [6].

Гормонально-активные аденомы гипофиза — относительно распространенная ги-

пофизарная патология, приводящая к нарушению фертильности у женщин [7]. Аденомы гипофиза с гиперпродукцией гормона роста (ГР) (сомато- и соматомаммотропиномы) и протекающие с клинической симптоматикой акромегалии занимают второе место по частоте встречаемости после пролактином [8]. По данным исследования аутопсийного материала гипофизов женщин, умерших во время беременности, во время или после родов, гормонально-активные микроаденомы гипофиза выявлены в 11 % случаев [2].

Принято считать, что нарушение фертильности у 40 % женщин с акромегалией является результатом дисфункции в оси гипоталамус—гипофиз—яичники [9], к причинам которой относят: снижение резерва гонадотропинов вследствие деструкции или компрессии гонадотрофов опухолью, конкомитантную гиперпролактинемию, компрессию ножки гипофиза и повышенную чувствительность яичников к стимуляции гонадотропинами [10, 11]. Как правило, после адекватно проведенного лечения фертильность у женщин с акромегалией восстанавливается [12, 13]. В то же время, частичный или тотальный гипопитуитаризм, который может развиваться в результате нейрохирургического вмешательства и/или лучевой терапии, значительно усугубляет имевшую место до лечения дисфункцию в оси гипоталамус-гипофиз-яичники.

В литературе описано около 100 случаев беременности у женщин с акромегалией, которые представлены, в основном, в виде самостоятельных клинических случаев. Диагностика акромегалии *de novo* во время беременности может представлять определенные сложности в связи с характерными физиологическими изменениями, происходящими в гипофизе во время беременности, влиянием плацентарного лактогена человека (ПЛЧ) на секрецию ГР и инсулиноподобного ростового фактора-1 (ИРФ-1), а также трудностями в интерпретации результатов классических гормональных исследований [14, 15]. Уровень ИРФ-1 не рекомендуется использовать в качестве диагностического маркера акромегалии у беременных, поскольку его повышение во втором триместре физиологически протекающей беременности является нормальным явлением [13]. Не рекомендуется также использование пробы на подавление ГР в оральном тесте толерантности к глюкозе, хотя в некоторых случаях ее проведение допустимо [16].

Говоря о беременности у пациентки с акромегалией, нас, во-первых, интересуют последствия влияния высоких уровней ГР и ИРФ-1 на организм матери и плода; во-вторых — влияние беременности на прогрессирование аденомы гипофиза и секрецию ГР и ИРФ-1 и, в-третьих — влияние различных методов лечения на организм матери и плода.

Влияние высоких уровней ГР и ИРФ-1 на организм матери и плода.

В настоящее время плацента рассматривается как важный депонирующий эндокринный орган, который в процессе беременности продуцирует ряд белковых гормонов, каждый из которых соответствует определенному гипофизарному или гипоталамическому гормону и имеет сходные с ними биологические и иммунологические свойства [4]. Так, тропным гормонам гипофиза соответствуют секретируемые плацентой хорионический гонадотропин человека (ХГЧ), ПЛЧ, плацентарный гормон роста (ПГР), хорионический тиротропин и плацентарный кортикотропин [17]. Плацента также продуцирует сходные с адренкортикотропным гормоном гипофиза (АКТГ) пептиды и ри-

лизинг-гормоны, аналогичные гипоталамическим [18]. Существует гипотеза, согласно которой контроль гормональной функции плаценты осуществляется ХГЧ и многочисленными ростовыми факторами [19].

Известно, что рост плода в организме матери находится под контролем ПЛЧ и ПГР, входящих в семейство соматотропных гормонов [20]. Гормоны данного семейства, имея определенное структурное сходство, обладают и общностью ряда биологических свойств: проявляют ростовую, анаболическую, гипергликемическую, липолитическую и лактогенную активности [21].

Плацентарный лактоген человека на 85 % идентичен гипофизарному ГР, однако в организме взрослых почти не проявляет соматогенной активности [22]. В первом триместре беременности синтез ПЛЧ осуществляется вневорсинчатым цитотрофобластом, в более поздние сроки — синцитиотрофобластом ворсин [23]. Увеличение массы плаценты и ее функциональной активности в течение беременности приводят к экспоненциальному увеличению уровня ПЛЧ, который достигает своего максимального уровня к 36-38 неделе беременности и быстро снижается после родов [24]. Плацентарный лактоген человека адаптирует метаболические процессы в организме женщины для эффективного обеспечения питания плода, однако основная его биологическая роль реализуется именно в организме плода [25], что подтверждено результатами экспериментальных и клинических исследований. В первой половине беременности ПЛЧ секретируется преимущественно в фетальный кровоток, что непосредственно определяет темпы роста плода в этот период, реализуя свое влияние в основном через пролактиновые рецепторы [26]. Исследование распределения пролактиновых рецепторов в организме плода на седьмой неделе гестации выявило их присутствие на клетках многих фетальных органов и тканей, а именно в костях, надпочечниковых железах, легких, мозге и поджелудочной железе [27]. Во время физиологически протекающей беременности ПЛЧ, стимулируя продукцию ИРФ-1 в печени, подавляет секрецию ГР [28].

Плацентарный гормон роста начинает

синтезироваться в плаценте с 10–20 недели беременности и постепенно замещает гипофизарный ГР [29]. Отсутствие ПГР в крови плода дает основания предполагать, что реализация ростовых эффектов опосредуется через ИРФ-1 [12].

До сих пор остается непонятным, почему у женщин с акромегалией, в отличие от здоровых, уровень ГР во время беременности не снижается параллельно повышению уровня ПЛЧ, а сохраняется высоким в течение всей беременности [24]. Что касается ИРФ-1, то во второй половине беременности у женщин с акромегалией его уровень повышается также как и у здоровых женщин [30]. Маловероятно, что перманентно высокие уровни ГР и ИРФ-1 на протяжении всей беременности у женщин с акромегалией негативно влияют на плод, поскольку плацента обладает способностью к избирательному транспорту некоторых материнских гормонов. Такие гипофизарные гормоны, как ГР, ТТГ, АКТГ, имеющие сложную белковую структуру, и ИРФ-1 не способны проникать через плацентарный барьер [23]. Частота рождения детей с макросомией у женщин с акромегалией без ГСД сопоставима с частотой в общей популяции (4%) [15]. Более высокий риск рождения ребенка с макросомией имеют женщины с акромегалией *de novo* во время беременности и, следовательно, с неадекватным гормональным контролем заболевания [31].

Неадекватный гормональный контроль акромегалии во время беременности более опасен для здоровья будущей матери, чем ребенка. Инсулинорезистентность, формирующаяся у беременных с акромегалией на фоне высокого уровня ГР, значительно повышает риск развития ГСД, дислипидемии, АГ, ишемической болезни сердца и преэклампсии [16]. Отсутствие масштабных эпидемиологических исследований не дает возможности составить представление о частоте гормонально-метаболических нарушений у беременных с акромегалией. В исследовании Ph. Caron и соавт. [7] ГСД был диагностирован у 6,8% и АГ — у 13,6% беременных с акромегалией. Частота ГСД не отличалась в группах беременных с активной формой заболевания и ремиссией и была сопоста-

вима с частотой в общей популяции беременных во Франции. В то же время частота АГ у беременных с активной формой акромегалии была выше, чем в общей популяции. В литературе также представлены отдельные клинические случаи развития легкой формы ГСД у беременных с акромегалией [32, 33]. Описаны также и случаи улучшения течения акромегалии на фоне беременности, которые можно объяснить блокирующим эффектом эстрогенов на продукцию ИРФ-1 в печени [34, 35].

Влияние беременности на прогрессирование аденомы гипофиза у больных акромегалией. По данным Ph. Caron и соавт. [7], у 81,5% женщин с акромегалией объем аденомы гипофиза во время беременности остается стабильным, а у 7,4% — даже уменьшается. В целом, риск прогрессирования аденомы гипофиза во время беременности у женщин с акромегалией составляет менее 2% в случае микроаденомы и менее 15% — в случае макроаденомы [6].

Влияние различных методов лечения на организм матери и плода.

Анализ представленных в литературе клинических случаев беременностей у женщин с акромегалией показал, что нормализация фертильности и наступление беременности происходили на фоне адекватного лечения. Так, описаны случаи наступления беременности на фоне терапии агонистом дофамина бромкриптином [36], аналогами соматостатина (октреотидом [37], ланреотидом [38]) и антагонистом рецепторов ГР пегвисомантом натрия [39].

Если акромегалия диагностирована во время беременности или беременность наступила у пациентки с активной формой акромегалии, лечение при определенных условиях может быть отсрочено до завершения беременности. Тактика ведения беременной с акромегалией определяется индивидуально и зависит от степени активности заболевания, размеров аденомы и наличия компрессионного синдрома. У беременных с макроаденомой гипофиза с компрессионным синдромом терапия бромкриптином может проводиться на протяжении всей беременности [40, 41]. По данным С. В. Newman [42], у 10% беременных

на фоне терапии бромкриптином возможно достижение адекватного клинико-гормонального контроля акромегалии. Бромкриптин может применяться во время беременности у пациенток, как раннее получавших лечение [39], так и нелеченных [43].

На сегодняшний день эффективность и безопасность терапии селективным агонистом дофамина каберголином во время беременности доказана у пациенток с пролактиномами [44–46]. Мета-анализ 15 рандомизированных или плацебо-контролируемых исследований ($n = 237$) показал, что монотерапия каберголином нормализует уровень ИРФ-1 у одной трети пациентов с акромегалией [47]. Учитывая доказанную эффективность каберголина у пациентов с акромегалией и безопасность у беременных с пролактиномами, включение этого препарата в рекомендации по лечению беременных с акромегалией остается делом времени.

В немногочисленных исследованиях была доказана эффективность и безопасность применения аналогов соматостатина у беременных по поводу незидиобластома [48], ТТГ-секретирующей аденомы гипофиза [49] и акромегалии [36, 50]. Несмотря на проникновение октреотида через фетоплацентарный барьер, он не оказывает патологического влияния на плод [7]. Однако в инструкциях по применению аналогов соматостатина отсутствуют показания к назначению этих препаратов во время беременности у пациенток с акромегалией. Согласно существующим рекомендациям аналоги соматостатина могут использоваться в качестве патогенетической терапии акромегалии у женщин до подтверждения беременности с последующей их отменой.

Представляем три клинических случая беременности у женщин с акромегалией, которые находились под нашим наблюдением в клинике ГУ «Институт проблем эндокринной патологии им. В. Я. Данилевского НАМН Украины» (ГУ ИПЭП).

Случай 1. Больная Г. А. И., 38 лет поступила в клинику с жалобами на головную боль в теменной и затылочной области, избыточный рост волос на лице, онемение пальцев на руках, огрубение черт лица, уве-

личение размеров кистей и стоп, гиперпигментацию кожи в подмышечных областях.

Из анамнеза заболевания известно, что жалобы на отечность лица и головные боли впервые появились в возрасте 30 лет. Обследовалась у невропатолога по поводу невралгии тройничного нерва и у отоларинголога по поводу хронического гайморита. При проведении МРТ головного мозга (от 28.07.2004 г.) объемное образование в области турецкого седла выявлено не было. При обследовании у гинеколога по поводу вторичного бесплодия в 2008 году (первая беременность в 1996 г. в возрасте 24 лет завершилась нормальными родами, родилась девочка с весом 4000 г) диагностирована гиперпролактинемия (ПРЛ — 859,5 мМЕ/л (норма 67–728)), по поводу чего на протяжении 6 месяцев получала терапию бромкриптином в суточной дозе 0,25 мг. В 2011 году наступила вторая беременность, во время которой был диагностирован ГСД. Беременность завершилась нормальными родами в срок, родилась девочка с весом 3700 г и ростом 54 см. После родов пациентка отметила усиление интенсивности головных болей и появление диабетических жалоб. Через 6 месяцев после родов лактация была медикаментозно прекращена однократным приемом 1 мг каберголина и начата терапия метформином в суточной дозе 1000 мг.

При объективном обследовании обращали на себя внимание акромегалоидные черты лица, макрогения, диастема, утолщенные ребра, ключицы, крупные кисти рук и стопы; *acantosis nigricans* на коже подмышечных впадин, задне-боковых поверхностей шеи, внутренней поверхности бедер.

Результаты гормонального обследования указывали на активную форму заболевания: ГР — 54,4 нг/мл (норма < 2,5), ИРФ-1 — 886 нг/мл (норма 109–284), ПРЛ — 52,26 нг/мл (норма 4,79–23,3).

Показатели состояния углеводного обмена: гликемия натощак 9,98 ммоль/л (норма 3,8–6,2), гликозилированный гемоглобин — 7,08% (4,8–5,9), индекс инсулинорезистентности НОМА — 13,7 (норма < 2,7)

На МРТ головного мозга: макроаденома гипофиза (24 × 22 × 30 мм) с эндо-инфра- и параселлярным (S) распространением.

Консультация окулиста: ангиопатия сетчатки по застойному типу; границы полей зрения немного сужены по верхнему и нижнему полюсам.

Данные анамнеза позволяют нам предположить акромегалию до наступления беременности. Оценить влияние беременности на прогрессирование аденомы у данной пациентки не представляется возможным, поскольку МРТ головного мозга проводилась только в 2004 году. Течение беременности в данном случае осложнилось развитием ГСД, который контролировался диетой.

С учетом топографо-анатомических особенностей аденомы и наличие хиазмального синдрома больной было рекомендовано проведение хирургического лечения. В июне 2012 года в клинической больнице «Феофания» (г. Киев) была проведена трансфеноидальная аденомэктомия. Результаты гормонального обследования через три месяца после хирургического лечения указывали на отсутствие ремиссии заболевания: ГР — 26,7 нг/мл (норма < 2,5), ИРФ-1 — 1217 нг/мл (норма 109–284), ПРЛ — 32 нг/мл (норма 4,79–23,3).

С учетом рекомендаций международно-го консенсуса 2009 года [12] пациентке была рекомендована длительная комбинированная супрессивная терапия аналогом соматостатина сандостатином LAR в дозе 20 мг в/м 1 раз в 28 дней и селективным агонистом дофамина каберголином до достижения целевых уровней ГР, ИРФ-1 и ПРЛ.

Наличие у пациентки клинических (*acantosis nigricans*) и лабораторных маркеров инсулинорезистентности (НОМА2 IR = 4,5) обосновывает необходимость продолжения терапии метформином в дозе 1000 мг в сутки.

Случай 2. Больная Г. А. В. 35 лет находится под наблюдением в клинике ГУ ИПЭП с 2003 года. Впервые жалобы на огрубение черт лица и увеличение размеров стоп отметила в 1998 году в возрасте 21 года. В 2001 году после родов и лактации на протяжении года менструальный цикл не восстановился. Микроаденома гипофиза (по данным МРТ) и акромегалия были диагностированы в августе 2003 года в возрасте 26

лет. В октябре 2003 г. в клинике ГУ «Институт нейрохирургии им. акад. А. П. Ромоданова АМН Украины» была проведена трансфеноидальная аденомэктомия. Гистологический диагноз — аденома переходного типа. Хирургическое лечение осложнилось постоянной формой несахарного диабета. Через месяц после хирургического вмешательства наступила беременность, которая завершилась нормальными родами, родилась здоровая девочка с весом 3680 г. На 28-й неделе беременности начала нарастать клиническая симптоматика несахарного диабета, по поводу чего был назначен адиупресин. В настоящее время отсутствуют клинические признаки прогрессирования заболевания. По данным МРТ головного мозга — синдром вторично «пустого» турецкого седла. Результаты гормонального обследования соответствуют критериям адекватного контроля (ремиссии): ГР — 0,4 нг/мл (норма < 2,5), ИРФ-1 — 205 нг/мл (норма 109–284), ПРЛ — 210 мМЕ/мл (норма 65–720). Получает заместительную терапию миниринном 0,2 мг в сутки.

Случай 3. Больная Г. О. В. 28 лет поступила в клинику ГУ ИПЭП в феврале 2012 года с жалобами на изменение черт лица, увеличение размера кистей и стоп, отсутствие менструаций на протяжении двух лет. Акромегалия диагностирована в январе 2012 года по месту жительства при обследовании у гинеколога по поводу аменореи II; ГР — 29,8 нг/мл (норма < 2,5), ИРФ-1 — 756 нг/мл (норма 116–358).

В клинике при проведении обследования нами диагностирована изолированная соматотропинома (ПРЛ при двукратном исследовании 15,3 нг/мл; 9,3 нг/мл (норма 4,79–23,3)). По данным МРТ головного мозга — эндоселлярная аденома гипофиза 18 × 12 × 18 мм.

В качестве первичного метода лечения пациентке было предложено хирургическое лечение. В апреле 2012 года в клинической больнице «Феофания» (г. Киев) была произведена трансфеноидальная аденомэктомия. Послеоперационный период протекал без осложнений. После проведенного оперативного вмешательства менструальный цикл восстановился. По результатам гормональ-

ного обследования диагностирована ремиссия акромегалии (ГР — 1,2 нг/мл (норма < 2,5), ИРФ-1 — 302 нг/мл (норма 117–329)). В мае 2012 года наступила беременность, которая протекает физиологично. На момент написания данной статьи срок беременности составил 21 неделю.

Таким образом, анализ литературы и собственный клинический опыт указывают на необходимость пересмотра принципов диспансеризации пациенток с акромегалией фертильного возраста. Пациентки с активной формой акромегалии должны быть ин-

формированы лечащим врачом о возможности наступления беременности, методах контрацепции и рисках для матери и плода в случае наступления беременности на фоне неадекватного клинико-гормонального контроля заболевания. Врачи женских консультаций должны быть информированы об особенностях ведения беременных с акромегалией, критериях диагностики акромегалии *de novo*, оценки состояния клинико-гормонального контроля заболевания во время беременности и показаниях к назначению патогенетической терапии.

ЛИТЕРАТУРА (REFERENCES)

- Amar AP, Weiss MH. *Neurosurg Clin North Amer* 2003; 14:11–23.
- Scheithauer BW, et al. *Mayo Clin Proceed* 1990; 65:461–474.
- Gonzalez JG, et al. *Amer J Med* 1988; 85:217–220.
- Aylamazyan EK, Novikov BN, Pavlova LP. *Akusherstvo, Sankt-Peterburg*, 2003:528 p.
- Rigg LA, Lein A, Yen SS. *Am J Obstetr Gynecol* 1977; 129:454–456.
- Molitch ME. *Endocrinol Metabol Clin North Amer* 2006; 35:99–116.
- Caron Ph, et al. *J Clin Endocrinol Metabol* 2010; 95(10):4680–4687.
- Arafah BM, Nasrallah MP. *Endocrine-Related Cancer* 2001; 8:287–305.
- Unuane D, Tournaye H, Velkeniers B, Poppe K. *Best Pract Res Clin Endocrinol Metabol* 2011; 25(6):861–873.
- Sauder SE, Frager M, Case GD, et al. *J Clin Endocrinol Metabol* 1984; 59:941–948.
- Kaltsas GA, Androulakis II, Tziveriotis K, et al. *Clin Endocrinol (Oxf.)* 2007; 67:917–922.
- Melmed S, Colao A, Barkan A, Molitch M, et al. *J Clin Endocrinol Metabol* 2009; 94(5):1509–1517.
- Herman-Bonert V, Seliverstov M, Melmed S. *J Clin Endocrinol Metabol* 1998; 83:727–731.
- Verhaeghe J. *Gynecol Obstetr Invest* 2008; 66:217–226.
- Chang-DeMoranville BM, Jackson IM. *Endocrinol Metabol Clin North Amer* 1992; 21:649–668.
- Hisano M, Sakata M, Watanabe N, et al. *Arch Gynecol Obstetr* 2006; 274:171–173.
- Foyouzi N, Frisbaek Y, Norwitz ER. *Obstetr Gynecol Clin North Amer* 2004; 31:873–892.
- Demura R, Odagiri E, Yoshimura M, et al. *Acta Endocrinol* 1982; 100: 114–119.
- Shi QJ, Lei ZM, Rao CV, Lin J. *Endocrinol* 1993; 132(3):1387–1395.
- Shmagel' KV, Chreshnev VA. *Akusherstvo Ginekologiya* 2003; 3:9–12.
- Chellakooty M, Vangsgaard K, Larsen T, et al. *J Clin Endocrinol Metabol* 2004; 89:384–391.
- Lacroix MC, Guibourden J, Frenzo JL, Muller F, Evain-Brion D. *Placenta* 2002; 23:S.87–94.
- Scippo ML, Frankenne F, Hooghe-Peters EL et al. *Mol Cell Endocrinol* 1993; 92:R7–R13.
- Fuglsang, J, Ovesen P. *Growth Horm IGF Res* 2006; 16(2):67–85.
- Newbern, D, Freemark M. *Curr Opin Endocrinol Diabetes Obes* 2011; 18(6):409–416.
- Beckers A, Stevenaert A, Foidart JM, et al. *J Clin Endocrinol Metabol* 1990; 71:725–731.
- Gootwine E. *Anim Reprod Sci* 2004; 82–83:551–566.
- Eriksson L, Frankenne F, Eden S. *British J Obstetr Gynaecol* 1989; 96:949–953.
- Handwerger S, Freemark M. *J Pediatr Endocrinol Metabol* 2000; 13(4):343–356.
- Clapp 3rd JF, Schmidt S, Paranjape A, Lopez B. *Am J Obstet Gynecol* 2004; 190:730–736.
- Frohman LA. *Endocrinologist* 2001; 11:399–406.
- Okada Y, Morimoto I, Ejima K, et al. *Endocrinol J* 1997; 44:117–120.
- Yap AS, Clouston WM, Mortimer RH, Drake RF. *Am J Obstet Gynecol* 1990;163:477–478.
- Whittaker PG, Stewart MO, Taylor A. *Obstet Gynecol* 1990; 76:223–229.
- Lau S. L, McGrath S, Evain-Brion D, Smith R. *J Endocrinol Invest* 2008; 31:255–261.

36. Montini M, Pagani G, Gianola D, et al. *J Endocrinol Invest* 1990; 13:193.
37. Mikhail N. *Mayo Clin. Proc* 2002; 77:297–298.
38. De Menis E, Billeci D, Marton E, Gussoni G. *J Clin Endocrinol Metabol* 1999; 84:1489.
39. Brian SR, Bidlingmaier M, Wajnrach MP, et al. *J Clin Endocrinol Metabol* 2007; 92(9):3374–3377.
40. Jaspers C, Haase R, Pflingsten H, et al. *Clinical Invest* 1993; 71:547–551.
41. Yap AS, Clouston WM, Mortimer RH, Drake RF. *Am J Obstet Gynecol* 1990; 163:477–478.
42. Newman CB. *Endocrinol Metabol Clin N Amer* 1999; 28:171–190.
43. Yap AS, Clouston WM, Mortimer RH, Drake RF. *Amer J Obstet Gynecol* 1990; 163:477–478.
44. Liu CJ, Tyrrell B. *Pituitary* 2001; 4(3):179–185.
45. Banerjee A, Wynne K, Tan T, et al. *Clin Endocrinol (Oxf.)* 2009; 70(5):812–813.
46. Laloi-Michelin M, Ciraru-Vigneron N, Meas T. *Int J Gynaecol Obstet* 2007; 99(1):61–62.
47. Sandret L, Maison P, Chanson P. *J Clin Endocrinol Metabol* 2011; 96(5):1327–35.
48. Boulanger C, Vezzosi D, Bennet A, et al. *J Endocrinol Invest* 2004; 27:465–470.
49. Blackhurst G, Strachan MW, Collie D, et al. *Clin Endocrinol* 2002; 57:401–404.
50. Fassnacht M, Capeller B, Arlt W, et al. *Clin Endocrinol* 2001; 55:411–415.

АКРОМЕГАЛИЯ І ВАГІТНІСТЬ (огляд літератури та власні спостереження)

Микитюк М. Р.

ДУ «Інститут проблем ендокринної патології ім. В. Я. Данилевського НАМН України», м. Харків;
Харківська медична академія післядипломної освіти
tyroslavamk@mail.ru

Представлено огляд літератури з питань діагностики акромегалії під час вагітності, тактики ведення вагітних, що страждають на акромегалію, наслідків впливу високого рівня гормону росту (ГР) і інсуліноподібного ростового фактору-1 (ІРФ-1) на організм матері і плода, вагітності на прогресування аденоми гіпофіза і секрецію ГР і ІРФ-1 та впливу різних методів лікування на організм матері і плода. Наведені випадки вагітності у жінок з акромегалією із власної клінічної практики.

Ключові слова: акромегалія, вагітність, гормон росту, інсуліноподібний ростовий фактор-1, методи лікування.

АКРОМЕГАЛИЯ И БЕРЕМЕННОСТЬ (обзор литературы и собственные наблюдения)

Микитюк М. Р.

ГУ «Институт проблем эндокринной патологии им. В. Я. Данилевского НАМН Украины»,
г. Харьков;
Харьковская медицинская академия последипломного образования
tyroslavamk@mail.ru

Представлен обзор литературы по вопросам диагностики акромегалии во время беременности, тактики ведения беременных с акромегалией, последствий влияния высоких уровней гормона роста (ГР) и инсулиноподобного ростового фактора-1 (ИРФ-1) на организм матери и плода, беременности на прогрессирование аденомы гипофиза и секрецию ГР и ИРФ-1 и влияния различных методов лечения на организм матери и плода. Приведены случаи беременности у женщин с акромегалией из собственной клинической практики.

Ключевые слова: акромегалія, беременность, гормон роста, инсулиноподобный ростовой фактор-1, методы лечения.

**ACROMEGALY AND PREGNANCY
(review and own observations)**

М. Р. Муkytyuk

*SI «V. Danilevsky Institute of Endocrine Pathology Problems of the NAMS of Ukraine», Kharkiv;
Kharkiv Postgraduate Medical Academy
myroslavamk@mail.ru*

It is presented the review of the literature concerning diagnostics acromegaly during pregnancy, tactics of conducting pregnant women with acromegaly, consequences influence of high levels of growth hormone (GH) and insulin-like growth factor-1 (ILF-1) on the organism of mother and foetus, pregnancy on progressing adenoma of hypophysis and secretion GH and ILF-1 and influences of various methods of the treatment on the organism of mother and foetus. There are situations of pregnancy in women with acromegaly of their own clinical practice.

Key words: acromegaly, pregnancy, growth hormone, insulin-like growth factor, methods of the treatment.